

Л. У. Лубягина
Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

МЕЙНСТРИМ-ЭКОНОМИКС И УЧЕНИЕ О ПРЕВРАЩЁННЫХ ФОРМАХ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ «ФЕЙКОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

В статье анализируется процесс углубления кризиса современной экономической науки как отражение общего кризиса глобализации. Отмечается, что за последние десятилетия мейнстрим-экономикс не преодолел разрыв теории и практики, но всё более утрачивает свой познавательный и методологический потенциал. На примерах иллюстрируется усиление идеологической функции экономикс, которая на практике способствует становлению «фейковой экономики». Ставится вопрос о необходимости использования теории превращённых форм для объяснения формирования «фейковой экономики» и поиска путей разрешения противоречий современной экономики и науки, в том числе в России.

Ключевые слова: «транзит» мейнстрим-экономикс, «фейковая экономика», «фейковость» экономикс, идеологическая функция экономикс, превращённая форма.

Проблема всеобщего кризиса капитализма, которая в современных терминах обозначается как проблема кризиса глобализации, не является новой, несмотря на стремительный рост самых различных и причудливых его (кризиса) проявлений в экономике, политических отношениях, деградации культуры, в серьёзных сдвигах центров мировых сил, оживлении миграционных потоков рабочей силы и капитала, обострении межрелигиозных противоречий, количественном нарастании и усилении агрессивности военных конфликтов, экономических войн между различными странами. Имеется огромная статистика, которая количественно и качественно может иллюстрировать все эти тягчайшие для человечества процессы.

Однако достаточно сослаться на два показателя развития совокупной глобальной экономики, отражающих выраженные негативные тенденции в её развитии. Первый можно отнести к внешнему проявлению её неблагополучия – замедление экономического роста в последние годы и сохранение его на отметке не более чем 3% в год (в России в пределах от 0,7 до 1%). Второй характеризует сущностный недуг социально-экономического устройства современной

глобальной экономики – показатель колоссальной дифференциации (социальной несправедливости). Так, авторы доклада Oxfam, международного объединения, состоящего почти из 2-х десятков организаций, занимающихся решением проблем бедности и несправедливости во всем мире, на кануне Всемирного экономического форума (WEF) в Давосе (21-24.01.20 г.) привели следующие данные: «2 153 миллиардера в мире имеют больше богатства, чем 4,6 миллиарда человек, которые составляют 60 процентов населения планеты» [oxfam, 2020].

Что касается России, то доля богачей здесь составляла в 1990 году 10% от общего числа населения, а их доходы – 23% от валового национального дохода, «но к 2016 году доходы состоятельных россиян выросли до 46% от ВВП. В начале 2019 года личные активы 11 богатейших людей в нашей стране насчитывали более \$10 млрд. В настоящее время 35% всех российских богатств сосредоточено в руках 100 человек, в то время как процент тех, кто живет за чертой бедности (\$180 в месяц), увеличился с 11,9% в 2010 году до 14,3% в 2019-м, а это почти 21 миллион граждан России» [gazeta, 2020].

Возникает закономерный вопрос о том, как «реагирует» на выше обозначенный процесс экономическая наука в целом и, экономикс как мейнстрим, в частности. Следует отметить, что, с одной стороны, сохраняются и даже усугубляются характерные кризисные проявления экономической науки, прежде всего, экономической теории. К ним можно отнести: множественность экономических теорий, не сопоставимых методологически, имеющих различное практическое, идеологическое значение; нарастание отрыва теории от практики; неverifiedируемость результатов научной деятельности в области экономики; ограниченность прогнозной и социальной роли в обществе; подмену теоретических исследований прикладными с усложнением используемого последними математического аппарата; сохранение монопольного положения среди экономических наук неоклассической (неолиберальной) доктрины, не отвечающей национальным интересам России.

С другой стороны, появляются новые кризисные черты экономической теории, которые связаны с видоизменениями собственно экономики, вызванные бурным ростом её информатизации и цифровизации. Учитывая причины изменений, факторы влияния, степень осмысления процесса, выделение новых характеристик, в тираж вышло огромное количество названий одной и той же современной экономической реальности, которая сложилась в последние десятилетия – это «постиндустриальная экономика», «постиндустриальное общество», «инновационная экономика», «цифровая экономика», «экономика знаний» и т.д.

Оставим теоретические рассуждения по поводу «общего знаменателя» и особенностей, которые характеризуют названные экономические феномены не зависимо от того, какой экономической теорией они представлены. Отметим лишь один важный аспект, который чаще всего при этом упускается из виду – высокая степень, глубина и подробности эмпирического их исследования далеко не всегда позволяет заглянуть «внутрь», в сущность действительно нового, а иногда кажущегося таковым, явления. Основные причины этого кроются в недостатке методологического аппарата имеющихся направлений экономической теории, прежде всего экономикс или в ограниченности использования эвристического потенциала тех её направлений, которые были не заслуженно забыты и практически не разрабатываются. Здесь имеется в виду политическая экономия, прежде всего марксистского толка с её знаниями о превращённых формах.

Усложнение действительности при сохранении её капиталистической сущности, усиливающихся превратностях и искажениях последней привело ряд учёных к выводу о том, что формируется так называемая «фейковая экономика», или «экономика фейков». Довольно предметно о фейковости экономики и экономической теории впервые заявили радикальные институционалисты в рамках 38-ой конференции Ассоциации институциональной мысли (Association for Institutional Thought), которая состоялась в апреле 2017 г. в г. Сан-Франциско, Калифорния, США. Следует особо подчеркнуть, что «радикальные

институционалисты» идентифицируют себя последователями раннего институционализма, родоначальником которого является Т. Веблен. Так же необходимо отметить, что в 90-е гг. XX в. радикальные институционалисты окончательно отделились от институционального движения, которое сейчас известно как «новый институционализм», полностью вставший на почву неоклассической методологии. Более того, радикальные институционалисты, вдохновителем и основателем которых является У. Даггер, встали не просто на путь критики неoinституционалистов, но и привнесли в развитие своих идей марксистский дискурс. Даггеру даже приписывают высказывание, что радикальный институционализм – это «двоюродный брат марксизма».

Итак, что же радикальные институционалисты понимают под фейковостью экономики и экономтеории? Довольно подробный и концентрированный анализ докладов учёных, относящих себя к данному направлению (У. Даггера, У. Уоллера, Эдит Миллер, Дж. Рона Стэнфилда, Рона Филипса и многих других), на выше обозначенной конференции был осуществлён С. Г. Кирдиной-Чендлер, на который есть большой резон сослаться.

Прежде всего, под фейковостью, фальшивостью в экономике представители названного течения понимают «массово заявляемые политиками декларации и принципы», «публикующуюся статистику», «экономические и политические обзоры, как и распространяемые СМИ экспертные заключения», которые «не соответствуют реальным делам, фактам, тенденциям» [Кирдина-Чэндлер, 2017, С. 10]. У. Даггер вообще называет «апофеозом развития фейкового характера капиталистической экономики, и прежде всего США» провозглашение Д. Трампом, магнатом-миллиардером, в ходе своей предвыборной кампании программы по защите интересов американских рабочих [Кирдина-Чэндлер, 2017, С. 10]. Основные причины нарастания фейковости экономики в основном видятся радикальным институционалистам в углублении неравенства, в существующем конкурентном социальном порядке, в действующих моделях накопле-

ния капитала, подчиненных корыстным интересам [Кирдина-Чэндлер, 2017, С. 10].

В российской экономической литературе проблема так называемой фейковой экономики пока освещается очень мало и в основном с позиций описания феномена. Тем не менее, довольно подробный и развёрнутый анализ обсуждаемой проблемы представлен Журавлёвой Г.П. и Манохиной Н.В. в статье «Современная экономика как фейк». Авторы, с одной стороны, рассматривают «фейковую экономику» как явление старое, в принципе отождествляемое с фальсификацией, известной с «древних времён», с другой стороны – позиционируют её с новой ступенью развития капитализма. В их дословном изложении фейковая экономика – «это новая форма проявления (возможно, новая ступень, стадия) развития современного капитализма, обусловленная всеобщим, системным кризисом, формирующейся цифровой экономикой, которая характеризуется значительным и даже чрезмерным распространением фейка, подделки правильных суждений о реальности, о том, что необходимо делать в той или иной реальности. Если кратко, то фейковая экономика – это виртуальная реальность, предназначенная для того, чтобы затушевать, скрыть действительную реальность» [Журавлёва, Манохина, 2018, С. 119].

Очевидным отличием в анализе фейковой экономики радикальными институционалистами, которые сводят причины её появления и формирования в основном к субъективным факторам – несправедливому распределению доходов и идеологическим интерпретациям экономических явлений, Г. П. Журавлёва и Н. В. Манохина усматривают в данном феномене дуальность, то есть объективность и субъективность. Авторы пишут, что фейковая экономика «... является порождением не только обмана. В её основе лежит также непреднамеренное объективно обусловленное соответствующими причинами искажение информации, используемое как дополнительный ресурс в деятельности хозяйственных субъектов» [Журавлёва, Манохина, 2018, С. 119]. К такой объективной основе фейковости экономики названные авторы относят прежде всего пе-

реходность общества к новому технологическому укладу и новой цифровой экономике.

Не вдаваясь в подробные комментарии данного тезиса, тем не менее, стоит взять его на заметку в той части, где речь идёт об объективном характере фейковости современной экономики. Кроме того, следует указать на один из основных, возможно главных, признаков фейковой экономики – фейковость науки, которая объективно призвана изучать, объяснять и давать рекомендации по «снятию» этой «фальши», «иллюзорности». Представители радикального институционализма чётко отмечают, что «Фальшивым является сегодня мейнстрим экономической науки... Фальшивым, ложным становится образование, предлагаемое в американских школах и университетах. Массово фальшивыми становятся СМИ, заменяющие факты многочисленными интерпретациями...» [Кирдина-Чэндлер, 2017, с. 10], которые напрямую связаны с интересами тех, кто этой интерпретацией занимается. Упоминаемые российские учёные, не демонстрируя своей приверженности к тому или иному направлению экономической мысли, вполне себе с этим согласны [Журавлёва, Манохина, 2018, с. 117].

Даже представленный беглый обзор нарастающей фейковости современной экономики и её культивирования мейнстрим-экономиксом позволяет утверждать, что это большая практическая и научная проблема современности. В принципиальном плане радикальные институционалисты в лице У. Даггера своей новой задачей в решении обозначенной проблемы полагают «получение истинного (не фальшивого) знания о том, как работают современные экономики и общества...», поиск «неудобной правды» (inconvenient truth) в противовес тем фейковым науке, образованию и журналистике, которые обслуживают и защищают в конечном счете интересы капиталистических монополий и богатейшей части общества» [Кирдина-Чэндлер, 2017, С. 11].

Соглашаясь с тем, что самым фейковым направлением современной экономической теории является экономикс-мейнстрим, а так же подписываясь под общими рассуждениями о том, что экономическая наука в любой её версии

должна встать на путь изучения и преодоления фейковости, следует всё же высказать ряд, на наш взгляд, важных замечаний по этому поводу.

1. Как бы не изменялось мироустройство общества за последние десятилетия и даже за сотню лет (бурный рост НТП, сопровождающийся появлением новых видов энергии, техники, технологий, изменение конфигурации центров глобального мира, появление информационных коммуникаций, новых потребительских товаров вплоть до умных домов, искусственного интеллекта и т.д.), доминирующими остаются рыночные (капиталистические) отношения, которые опираются на систему эксплуатации наёмного труда, имеют единственную цель – увеличение прибыли, с неизбежностью воспроизводят социально-экономическое неравенство. Олицетворяет данную систему крупный межнациональный и транснациональный капитал, эксплуататорская сущность которого от изменения его размеров не изменилась.

2. Глобальное общество, национальные экономики, характеризующиеся как рыночные, постоянно переживают кризисы, сотрясаются от экономических и даже горячих войн. Несмотря на то, что противоречия между изменившимися трудящимися и напудренными патернализмом капиталистами проявляются в самых разных формах, от «социальной ответственности бизнеса» вплоть до такой, что «россияне сами попросили увеличить им пенсионный возраст», тем не менее, по сути, они остаются классовыми. Совершенно очевидно, что все эти противоречия носят объективный характер и давно уже служат тормозом социального прогресса, но поскольку не привели представителей капитала к полному исчерпанию источника своего обогащения, каковым является неоплаченный чужой труд, поэтому востребована такая экономическая теория, которая не только не станет раскрывать сущность несправедливого устройства общества, но и «обязана» служить теоретическим и идеологическим прикрытием экономики богатства в виде её фейковой благообразной подачи.

3. Роль фейковой экономической теории возложена на мейнстрим-экономику, который не способен, да и не ставит задачу выполнения имманент-

но присущих экономической науке функций, таких как методологическая, познавательная, практическая. Однако экономикс блестяще справляется со своей идеологической функцией, которая призвана обслуживать интересы представителей класса капитала развитых западных стран, фетишизируя, камуфлируя, искажая без того объективно превращённую суть экономических явлений. Более подробно об идеологической и национальной нагруженности мейнстрим-экономикс можно ознакомиться в следующем источнике [Кусургашева, 2014, Лубягина, С. 233-234].

4. Если мейнстрим-экономикс в современных условиях особенно заидеологизирован, для него характерна фейковость и, следовательно, невозможно представить его транзит в направлении к позитивному анализу, означает ли это тупиковость прочих других направлений экономической теории в этом вопросе? Очевидный ответ – нет. Несомненной способностью объяснять происхождение фейковости экономики, изобличать её обладает давно известное марксово учение о превращённых формах, которое с конца 80-х гг. XX в. практически не разрабатывается. За исключением серьёзной работы М. К. Мамардашвили «Превращённые формы», более значительных работ по этой проблематике в настоящее время, к сожалению, не опубликовано, не считая статью С. В. Рыбаченко Не претендуя на развёрнутый анализ накопленных знаний, связанных с превращёнными формами, воспользуемся определением, которое выдержано в марксистском контексте и звучит следующим образом: «Превращенный объект – это лишь форма, самостоятельное существование которой скрывает от наблюдателя то, что она *представляет* и одновременно *скрывает* в действительности. Ее самостоятельность проявляется прежде всего в принципиальной разделности того, что ею непосредственно *явлено*, и тем, что в ней действительно *заключено*» [Рыбаченко, 2009, С. 37].

Очевидно, что так называемые экономические фейки есть не более чем известные превращённые формы, которые сознательно затушёвываются, скрываются, идеологически и политически интерпретируются в угоду интересов

господствующего ныне класса буржуазии. Достаточно известными иллюстрациями этого может служить заработная плата как превращённая форма стоимости товара рабочая сила, представляемая современными политиками и экономистами от экономикс как «плата за труд» или прибыль как превращённая форма прибавочной стоимости, навязываемая нам в виде результата умной и эффективной деятельности предпринимателя, а вовсе не в качестве созданной наёмным трудом части новой стоимости, присваиваемой капиталистом безвозмездно. То, что в действительности российский труженик работает на себя 32-40 минут из восьми часов, а остальное время на эксплуататора, не должен знать никто, кроме хозяев денег. С этой целью даётся не только «зелёный свет» мейнстриму в науке, формируются ФГОСы по его лекалу, но и всячески стимулируется реализация его идеологической функции, которая находит своё отражение в проводимой неолиберальной политике многих стран, прежде всего в России, придавая последней исключительно фейковый характер [Кусургашева, Черновол, 2019, С. 110, 111].

Подводя итог, следует отметить, что рыночная экономика (капитализм) – представляет собой систему объективных превращённых форм. Их не следует подменять понятиями фейковости, которые в основном несут идеологическую и политическую нагрузку. Вместе с тем, необходимо понимать, что эпоха, «превращённых форм», «превратностей», иррациональности и фейковых представлений о рыночной экономике подходит к своему логическому завершению.

Библиографический список

- Журавлёва Г. П., Манохина Н. В. Современная экономика как фейк. // Вопросы политической экономики. – 2018. – № 2. – С. 112-120.
2. Кирдина-Чэндлер С.Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке. // Journal of Institutional Studies. – 2017. – Т. 9. – № 4. – С. 6-15.
3. Кусургашева Л. В., Лубягина Л. У. Глобализация и необходимость развития теории национальной экономики. // Вестник КемГУ. – 2014. – № 4-1 (60). – С. 231-236.
4. Кусургашева Л. В., Черновол С. Н. Изменение парадигмы экономической политики: Стагнация российской экономики и экономическая политика. // Вестник Алтайской Академии экономики и права. – 2019. – № 12-2. – С. 108-114.
5. Рыбаченко С. В. О предпосылках использования К. Марксом концепта «превращённая форма» при описании экономических феноменов // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2009. – № 12. – С. 37-47.

6. <https://www.gazeta.ru/business/2020/01/25/12927476.shtml> (дата обращения: 24.01.2020).
7. <https://www.oxfam.org/en> (дата обращения: 24.01.2020).

L. U. Lubyagina

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

THE MAINSTREAM-ECONOMICS AND A THEORY OF TRANSFORMED FORMS: EXPLANATORY POTENTIAL FOR FORMING A «FAKE EKONOMY»

The article analyzes the process of deepening the crisis of modern economic science as a reflection of the general globalization crisis. It is noted that over the past decades, the mainstream-economics has not overcome the gap between theory and practice, but is increasingly losing its cognitive and methodological potential. The examples illustrate the strengthening of the ideological function of economics, which in practice contributes to the formation of a “fake economy”. The question of the need to use the theory of transformed forms to explain the formation of a “fake economy” and to find ways to resolve the contradictions of modern economics and science, including in Russia, is raised in the article.

Key words: “transit” mainstream economics, “fake economy”, economics “fake”, ideological function of economics, transformed form.